

ГЛАЗА ХАСКИ

АНТОНИО САНТА-АНА

ГЛАЗА ХАСКИ

АНТОНИО
САНТА-АНА

СЕРИЯ
НЕДЕТСКИЕ
КНИЖКИ

16+

Antonio Santa Ana

LOS OJOS
DEL PERRO
SIBERIANO

Norma

Антонио Санта-Ана

ГЛАЗА ХАСКИ

*Перевод с испанского
Дарьи Синицыной*

Москва

Самокат

УДК 821.134.2-053.6
ББК 84(7Арг)6-44
С18

Серия «Недетские книжки»

Дизайн серии и обложка Ляли Булановой

Санта-Ана, Антонио.

С18 Глаза хаски : повесть / Антонио Санта-Ана ; пер. с исп. Дарьи Синицыной. — М. : Самокат, 2024. — 128 с. — (Недетские книжки). — ISBN 978-5-00167-531-0.

Когда Эсекьелю поставили диагноз СПИД, он остался один, без семьи и друзей — те отвернулись от него. Его жизнь была полна презрительных взглядов и упреков. Единственное, что помогало ему справляться с болезнью, — это его пес хаски Сача, виолончель и внезапное появление младшего брата, давшего ему поддержку, принятие и любовь, в которых Эсекьель нуждался все эти годы...

Эта книга больше, чем история о юноше, который болеет СПИДом и воссоединяется со своим младшим братом. Это история, которая показывает важность доверия в семье и показывает, как все рушится, когда тебя не принимают.

Повесть аргентинского писателя Антонио Санта-Ана «Глаза хаски» вышла в 1998 году и стала классикой латиноамериканской молодежной литературы, пополнив списки внеклассного чтения в школьной программе. Книга стала бестселлером в Латинской Америке и продана тиражом свыше 1 миллиона экземпляров.

Впервые издается на русском языке в переводе Дарьи Синицыной.

УДК 821.134.2-053.6
ББК 84(7Арг)6-44

ISBN 978-5-00167-531-0

© Antonio Santa Ana, 1998
© Дарья Синицына, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2024

Содержание

1.....	12
2	17
3	20
4	23
5	25
6	28
7	32
8	35
9	37
10	39
11.....	41
12	42
13.....	48
14	53
15	55
16	58
17.....	63
18	69
19	71
20	72

21	79
22	81
23	86
24	88
25	91
26	94
27	95
28	98
29	101
30	103
31	105
32	107
33	109
34	110
35	112
36	114
37	115
38	116
39	118
40	119
41	120
42	121
43	122

Конечно же, Сандре

*Разве не в этом как раз
и состоит предназначение
литературы – лишать покоя?*

Антонио Табуки

Нет ничего хуже, чем понять, что у тебя что-то есть, и сразу же это потерять.

У меня так было с братом.

Моему брату исполнилось бы вчера тридцать один, но он умер пять лет назад.

Он ушел из дому в восемнадцать; мне тогда было пять. Родители так и не простили ему ни того, ни другого — ни что он ушел, ни что умер.

Это было бы даже смешно — если бы не было так ужасно.

А так — нет, не смешно, к сожалению.

Простите, если я сбивчиво изъясняюсь. Хочу сегодня вечером рассказать эту историю целиком.

Завтра я уезжаю.

Может, если у меня получится проговорить всё вслух, хотя бы раз, мне будет легче сесть в самолет.

Но не знаю, получится ли.

1

Мы живем в Сан-Исидро, в особняке начала двадцатого века, возле реки.

Дом огромный, двухэтажный, с просторными комнатами и высокими потолками. На первом этаже небольшой холл, гостиная, столовая с камином, кабинет отца с библиотекой, кухня и кладовки. На втором — спальня родителей, комната брата и моя комната, комната для маминых дел (ее всегда так называли: «комната для маминых дел»; я всю жизнь тут живу и до сих пор не знаю, что это за дела такие) и еще пара комнат, где никто не живет. Ну, и ванные, конечно, тоже есть — по две на каждом этаже.

Дом окружен большим садом. Ближе к дороге растут сосны и один грецкий орех, а в глубине — мамины розовые кусты и травы. Мама заботится

о своих травах с любовью и прилежанием, которые нам не передались. Я преувеличиваю, но несильно. У нее растут душица, розмарин, шалфей, базилик, три вида эстрагона, тимьян, мята, майоран, и наверняка я еще что-то забыл.

Весной и летом она пускает их в готовку свежими, а в начале осени высушивает на солнце, закупоривает в склянки и ставит в темном сухом месте.

Не знаю, зачем я вам все это рассказываю, никакого отношения к моей истории и вообще никакого значения это не имеет. Но всякий раз, представляя маму, я вижу, как она в перчатках и соломенной шляпе или платке стоит на коленях, держит садовые ножницы и разговаривает со своими растениями.

В детстве самые радостные минуты у меня были, когда она звала меня с собой в сад. Объясняла, где какое растение, как за ними ухаживать, как избавляться от тли и других вредителей, как подстригать розовые кусты.

Я не слишком интересовался садоводством, но чувствовал себя счастливым просто потому, что она хотела разделить со мной свои любимые старания.

В любую погоду я мог часами стоять, согнувшись над клумбами и грядками, рыхлить землю или подкармливать цветы удобрениями.

Может быть, вы при словах «счастливое детство» вспоминаете какой-нибудь поход или каникулы. Не знаю. Я вспоминаю запах земли и трав. Даже сейчас, столько лет спустя, стоит мне понюхать розмарин – и я уже счастлив. Потому что это напоминает мне: было время, пусть и совсем недолгое, когда мы с мамой друг друга понимали.

* * *

С отцом отношения были гораздо проще (они и сейчас такие). Я занимался своими делами, а он своими. Точнее, если я получал хорошие оценки, не отлынивал от спорта (плавания и регби), слушался его и уважал, то и проблем не было. А он... ну, он был занят своим бизнесом и всякими другими вещами, про которые он нам не рассказывал.

Мой отец в свои шестьдесят пять – вполне крепкий мужчина. В молодости он был одним из лучших игроков в клубе «Сан-Исидро», и сорок лет спустя, когда я играл в регби за детскую команду, его там все еще помнили. У него очень тя-

желый взгляд; стоит ощутить его на себе — и ты уже раздавлен. Владелец такого взгляда идет по жизни, свободно топчa все, что попадает на пути. И говорить не стоит, что я до ужаса боялся его смертоносных голубых глаз.

Мой брат был его любимцем, его первенцем, да еще и первым внуком в семье. На фотографиях, где маленький Эсекьель вместе с отцом, глаза отца светятся счастьем, спокойствием и нескрываемой гордостью.

Эсекьель родился весом больше четырех кило, у него были мамины черные волосы и папины голубые глаза. Взял лучшее от обоих родителей — правильный овал лица, прямой нос. Прелестный младенец.

Через четыре года мама опять забеременела, но ребенок — девочка — умер при родах. Тогда они решили не заводить больше детей. И были очень удивлены новой беременностью. Эсекьель превосходил все ожидания, отлично учился, был образцовым сыном — лучшего и желать было нельзя. Как вы понимаете, на третий раз родился я. Много лет спустя Эсекьель признался, что возненавидел меня с первой минуты. Возненавидел нового ребенка, который получился не большим

и не красивым (у меня всё наоборот: я шатен, как отец, с мамиными карими глазами). Возненавидел за то, что я нарушил волшебство, сместил его из центра внимания, где он находился тринадцать лет.

2

Кажется, это мое самое первое воспоминание. Тот день, когда Эсекьель ушел из дому. Я не помню саму ситуацию, но помню, что сидел в своей комнате и мне не разрешали выйти, а в воздухе висела какая-то напряженность.

Потом я не видел брата до следующего семейного праздника. По-моему, это был мамин день рождения.

Когда я спрашивал, где Эсекьель, мне отвечали — учится, или еще как-то отговаривались; в моей семье это хорошо умеют.

Я, конечно, понимал, что он с нами не живет: такое от ребенка, даже пятилетнего, не скроешь. Я тайком осмотрел его комнату, увидел, что одежды нет на месте, и умыкнул его гоночную машинку «Скалетрикс», которую он никогда

мне не давал. Шло время, Эсекьель не появлялся и не возмущался, и мне становилось все яснее: что-то не так.

Но меня это — чего уж там — не слишком беспокоило. Просто новая ситуация, не такая, как обычно. И я собирался воспользоваться ею по полной программе.

* * *

Когда мы жили вместе, я восхищался Эсекьелем, он был моим героем, большим, сильным, все его слушали.

Обращались с ним как с важным человеком. Как со взрослым.

Я не знал тогда, да и сейчас не знаю, что движет детским мозгом. Но, видимо, я решил, что, если уж брата нет на месте, все внимание в доме автоматически достанется мне. И, в общем, был прав: оно и досталось, хоть и не совсем так, как я ожидал.

Я занял новое место, но не благодаря собственному присутствию, а из-за отсутствия Эсекьеля.

Родители думали, что ошиблись в Эсекьеле, но уж со мной ошибок не повторят.

* * *

Я сказал, что первое мое воспоминание — это когда Эсекьель ушел из дому. Это правда. Но у меня есть еще и «вживленные воспоминания», истории, которые год за годом рассказываются, обычно шутливым тоном, на семейных торжествах. Так я узнал, что, когда мне было три года и я болел, никто не мог уложить меня, кроме Эсекьеля. Он меня укачивал и пел песню.

Вот такие примерно истории. Вы и сами знаете, родственники обожают рассказывать нам всякие глупости, особенно позорные для нас (позорными я тут делиться не стану).